

Таким образом, считаем вполне вероятным, что наряду с песней о Евпатии Коловрате и преданием о Федоре и Евпраксии (а может быть, и песнями о них) в Рязанской земле была сложена песня об Олеге Красном, довершавшая цикл произведений о героическом сопротивлении рязанцев и об их гибели в борьбе с превосходящими силами врага.²³

Вместе с песнями о Евпатии Коловрате и об Авдотье Рязаночке они составляли Рязанский историко-песенный цикл, содержанием которого было героическое сопротивление рязанцев татарскому нашествию.

Изучение этого цикла подводит нас к выводу, что татарское нашествие явилось важнейшим рубежом в развитии русского историко-песенного фольклора. Величайшее потрясение, каким было для Руси нашествие татар, не только не заглушило развития героической народной поэзии, но, напротив, вызвало ее подъем, рождение новых художественных форм, образов, сюжетов. Это можно объяснить лишь тем, что богатство народной поэзии, периоды ее больших достижений тесно связаны с активизацией исторической деятельности народных масс, как говорил Н. Г. Чернышевский, с «энергиею народной жизни». «Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события».²⁴

Рязань, первой принявшая удары полчищ Батыя, получила в народной поэзии черты эпического города. Воспоминания о Рязани как эпическом городе сохранились в былинах и в некоторых поздних исторических песнях. Она стоит рядом с другими эпическими городами и землями, подвергшимися, согласно представлениям былин, вражескому нашествию. Идолище говорит о себе:

— Я проехал Швецию, Турецию,
Казань, Рязань и Астрахань,
И не мог найти поединщика,
По плечу себе супротивника.²⁵

Рязань называется в числе городов, из которых Иван Грозный выводит измену.²⁶ Астраханский губернатор допрашивает сына Рязина: «С Казани ль ты, с Рязани ль, али с Астрахани?»²⁷

Есть былинные сюжеты, в которых Рязань не просто упоминается, но и служит местом действия. Сюжеты эти связаны, как правило, с Добрыней Никитичем. В ряде былинных текстов Рязань названа городом, в котором прожил свою жизнь отец Добрыни и в котором проходит детство и начинаются подвиги самого богатыря.

²³ Под тем же 1237 г. Ермолинская летопись сообщает о сходном эпизоде, героем которого являлся другой русский князь: «А Василька Костянтиновича Ростовьскаго руками яша и того ведоша с собою до Шериньскаго леса, нудящи его во свои воли быти, воевати с ними; он же не повинуся им, ни вкуси ничтоже, яже суть в руках их, во много хула изрече царя их и на всех их. Они же много мучивше его, и смерти предаше марта 4, в четверток 4 недели поста, и повергоша его на селе» (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 75). То же под 1238 г. в Тверской летописи (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стлб. 370). Вслед за этим дается характеристика Василька, сходная с той, какую получил Олег. Таким образом, независимо от вопроса о фольклорно-песенных истоках данного сюжета, следует признать, что изображение подвига князя, не согласившегося даже под угрозой смерти перейти на службу к татарам, получило в летописях XIII в. характер эпического «общего места».

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Рецензия на «Песни разных народов» Н. Берга. — Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 295.

²⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е. Под ред. А. Е. Грузинского, т. II, М., 1910, стр. 192.

²⁶ Там же, стр. 264.

²⁷ Там же, т. I, М., 1909, стр. 345; см. также: А. Д. Григорьев, т. I, М., 1904, стр. 214 и др.